

Нагдьян Р.М. Об отношении психологии к метафизике

English version: [Naghdyan R.M. On the relation of psychology to metaphysics](#)

Международный научно-образовательный Центр Национальной академии наук Армении, Ереван, Республика Армения

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждается отношение психологов XIX и XX веков к метафизике как способу изучения психических явлений. Раскрываются достоинства и ограничения метафизического подхода. Анализируются причины отрицания возможности использования метафизических идей в психологии. Показываются различия в понимании метафизики философами и психологами, ориентированными на марксистскую диалектику. Доказывается необходимость серьезного анализа достоинств метафизики для современной психологии, показывается необходимость применения в психологии метафизических представлений.

Ключевые слова: философия науки, метафизика, психология, методология психологии

Во второй половине XX века исследователями в области философии науки было показано, что наука основывается на определенных метафизических предпосылках [Вартофский, 1978; Кун, 2009; Agassi, 1964, p. 189–211]. Поэтому психология как наука также не может избежать метафизики – такова особенность становления науки, которая всегда в научном исследовании актуализируется в пределах и понятиях определенной парадигмы. А научная парадигма, как показал Т.Кун, всегда предполагает наличие определенных метафизических предпосылок, лежащих в основании науки. Вопрос лишь в том, происходит ли обращение к метафизике осознанно или неосознанно. Отрицание метафизики и эксплицирует тот случай, когда метафизические основания принимаются неосознанно. Но это приводит к тому, что становится невозможным анализ и отбор метафизических представлений и, следовательно, преобразование и развитие «вырастающей» из них науки.

Современная психология находится именно в таком состоянии: отказавшись от осознанного использования метафизики (метафизических идей) как способа философского подхода к исследованию первопричин возникновения психических явлений, психологи «не замечают», что психология полна проблем, требующих для своего решения применения метафизического подхода.

Однако в начале XIX века отношение к метафизике среди психологов было другим. Так, в 1824 году И.Герbart публикует работу «Психология как наука, вновь основанная на опыте, метафизике и математике» [Герbart, 2007], из которой становится ясным, что необходимость применения метафизики в психологии для И.Гербарта обусловлено тем, что «данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью» [Герbart, 2007, с. 67]. «Познать все то, что за занавесью» и есть задача метафизики, поэтому из приведенной цитаты видно, что для И.Гербарта метафизика является необходимой частью психологии. Даже В.Вундт, основоположник научной психологии, пишет философскую работу «Метафизика» [Вундт, 2006], в которой показывает неизбежность применения в науке

метафизических идей даже в том случае, если ученые считают себя убежденными антиметафизиками, как, например, физик и философ Э.Мах.

На необходимость применения в психологии метафизики указывал также У.Джеймс в конце XIX века. В эпилоге своего знаменитого учебника по психологии Джеймс специально поднимает вопрос о значении метафизики для психологии, осознавая, что многие психические явления не могут быть изучены экспериментально, основываясь на принципе детерминизма, и должны быть включены в область метафизики [Джеймс, 1991]. Окончательное решение на чисто психологической почве, например, такого вопроса, как человеческая воля и ее свобода, Джеймс считал преждевременным. Для Джеймса метафизика – это «упорное стремление к ясности и последовательности в мышлении» [Джеймс, 1991, с. 356]. Исходя из всего контекста эпилога, можно допустить, что Джеймс имеет в виду «упорное стремление» к первопричинам психических явлений, к исключению всех неясностей, перед которыми бессильны эмпирические методы, направленные на их исследование.

Кроме того, для Джеймса метафизика – это та область знания, где производится взаимная проверка, принципов, принимаемых на веру отдельными науками. Эти основополагающие принципы (метафизики), часто неясные и полные противоречий, обычно не имеют практического значения и могут быть оставлены без внимания для специальных исследований. «Этим, – пишет Джеймс, – определяется то презрительное отношение к метафизике, которое так часто можно наблюдать» [Там же. С. 357]. Так, например, для геолога не имеет никакого значения вопрос о том, что такое время, какова его сущность. А «психологу нет времени задаваться вопросом, каким образом он и дух, объект его исследования, познают тот же внешний мир» [Там же. С. 357].

Кроме свободы воли человека и того, как человек и его дух познают внешний мир, Джеймс особо выделяет и анализирует четыре проблемы, попытка решения которых приводит к противоречиям, это: 1) отношение сознания к мозгу, 2) отношение состояний сознания к объектам, 3) выяснение изменчивого характера нашего сознания и 4) проблема существования состояний сознания. Анализ этих проблем подводит Джеймса к мысли, что их невозможно разрешить на основе существующих психологических теорий, потому что анализ, основанный на фундаментальных категориях этих теорий, приводит к противоречиям. Напомним, что фундаментальные категории существующих психологических теорий обозначают собой эмпирически выявленные элементарные единицы, или события психической реальности. Все подобные проблемы, согласно Джеймсу, требуют для своего решения «тонкого метафизического анализа» [Джеймс, 1991, с. 358].

Вслед за У.Джеймсом феноменом свободной воли заинтересовался Карл Ясперс [Ясперс, 1997], который считал, что именно этот феномен придает психике характер рационально непостижимой загадки. Осознав невозможность решения проблемы свободы воли на уровне эмпирических знаний из психологии и психопатологии, Ясперс обращается к философии и стремится «выйти на более высокий, метанаучный уровень исследования и тем самым получить доступ к ресурсам метафизики, скрытых от позитивистски ориентированных психологов и психиатров» [Водолагин, 2008, с. 140].

В своей работе Ясперс [Ясперс, 1997], не соглашаясь с представлениями Декарта о душе как вещи мыслящей, так характеризует психику: «...Психическая субстанция или душа не есть вещь. Говорить о «душе» как об объекте – значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает сознание, но, в той же мере, она означает бессознательное. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как «бытие в собственном мире», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа – это становление, развертывание различие; в ней нет ничего окончательного, завершенного» [Ясперс, 1997, с. 34]. Как видим, Ясперс отходит от традиционной психологической трактовки психического как совокупности психических явлений, отражающих действительность. Наоборот, душа (или психика – в данном контексте их смыслы совпадают), как становящееся и различающее, *сама должна привести к множественности психических явлений и их свойств*. Сама она безобъектна и внеобъектна, лишена каких-либо свойств, поэтому о ней можно говорить лишь как о метафизическом «объекте», существующем как «бытие в собственном мире», а не в мире

воспринимаемых объектов. Если теперь сопоставить приведенное определение психического К.Ясперса с представлениями о порождающем процессе восприятия в афизикальном подходе А.И.Миракяна, сформировавшемся к концу XX века [Миракян, 1995], то в них можно заметить много общего, и надо полагать, что это совпадение не случайное.

В конце XIX века интерес к метафизике возрастает и в России. В первую очередь это было связано с работами В.С.Соловьева, среди которых особое место занимает «Кризис европейской философии», направленная против позитивизма западной философии [Соловьев, 1990].

Основным вопросом метафизики В.С.Соловьев считает вопрос о том, что такое сущность мира, если непосредственное его представление ничего о нем нам не говорит? Этот же вопрос переносится в область метафизической психологии, но с целью исследования сущности психических явлений и феноменов, которые и определяются как представления о мире. Соловьев отмечает также те ограничения, которые возможны на пути метафизического познания мира: «Этот вопрос не может быть разрешен путем отвлеченно-логическим, познание метафизической сущности не может быть выведено из общих понятий, ибо эти последние не имеют в природе своей никакого самостоятельного, первичного значения, будучи лишь отвлечениями от данных непосредственного воззрения, внешнего или внутреннего» [Соловьев, 1990, с. 56]. Кроме того, В.С.Соловьев считал, что чем выше ступень развития, на которой находится явление, тем больше в нем метафизического. Поэтому в психике человека больше метафизического содержания, чем в любом другом эмпирически наблюдаемом явлении природы.

В это же время разные аспекты метафизики исследуются знаменитыми философами и психологами, образуя плеяду русских метафизиков в лице Н.Бердяева, С.Франка, С.Трубецкого, Н.Грота, П.Флоренского, Г.Шпета, Г.Челпанова и др., которые разрабатывали вопросы о значении метафизики не только для философии, но и для психологии. Их общее мнение о взаимосвязи психологии и метафизики можно обобщить словами П.Флоренского: «В порядке онтологическом сказано было бы: метафизика производит психологию; в порядке психологическом, напротив: психология определяет наши метафизические построения. В порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику» [Флоренский, 2009, с. 20]. Другими словами: психические явления, изучаемые психологией, возникают из каких-то природных первоначал, но сами эти первоначала определяются, как метафизическое знание, психологом.

Г.Челпанов, как сторонник метафизической психологии, считал себя идейным последователем С.Н.Трубецкого и вслед за ним осознавал необходимость применения метафизики для решения проблем психологии [Челпанов, 1907]. Эту необходимость Челпанов показывает на примере работ Гербарта, из которых следовало, что «Без философского (метафизического в том числе – Р.Н.) учения о душе нельзя было приступать к объяснению законов душевных явлений. Законы же душевных явлений выводились дедуктивно из принципов, которые лежали в основе учений о душе» [Челпанов, 1907, с. 309]. Анализируя связь между психологией и философией, Г.Челпанов выделяет три типа отношений в зависимости от способа определения философии: философия как метафизика, теория познания и как метод обобщения данных психологии, результаты которых «могут быть положены в основу *науки о духе*». Если под философией «понимать прежде всего *метафизику*», тогда для понимания закономерностей душевной жизни необходимо построение метафизической теории о природе души, для ответа на вопросы «существует ли душа, есть ли она что-либо материальное, есть ли она субстанция и т.п.» [Там же. С. 313].

Необходимость изучения души (или психики) при помощи метафизики Челпанов аргументирует следующим образом: «Всякое описание необходимо предполагает *объяснение*. Для объяснения необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии, т.е. при изучении психических явлений мы должны выходить за пределы непосредственно воспринимаемых психических процессов, а это, как мы увидим ниже, предполагает употребление каких-либо понятий философски обработанных» [Там же. С. 314]. Очевидно, что здесь Челпанов имеет в виду выход в

метафизическую область исследований. Как видно из приведенной цитаты, Челпанов уже тогда говорил, выражаясь языком современной психологии, об ограниченности «продуктного» подхода для изучения принципов и закономерностей психического.

Таким образом, российская психология вступала в XX век с ясным пониманием необходимости применения метафизического подхода для исследования психики или души, готовая к его последовательному развитию.

Однако судьба метафизики в российской психологии как одного из средств познания психического окончательно была решена Л.С.Выготским при проведении им кардинальной перестройки методологических основ психологии для вывода ее из состояния кризиса [Выготский, 1982]. Не приняв анализа причин кризиса таких психологов, как Ф.Бrentано, Н.Н.Ланге, К.Бюлер, и предложенных ими частных путей выхода из кризиса, Л.С.Выготский высказывает идею о возможности построения общепсихологической теории на основе принципиально новой методологии – марксистской. Этим и было предreshено отрицательное отношение к метафизике, потому что марксизм, присвоивший многое из философии Гегеля, так же изменил истинное значение метафизики и пренебрежительно относился к ней как к примитивной, однобокой форме мышления, не имеющей ничего общего с научным диалектическим методом и, более того, относящейся к идеалистической философии. В то же время Выготский критикует эмпиризм за непоследовательность в своем стремлении построить психологию без души (Ланге [Ланге, 1914]), психологию без всякой метафизики (Введенский [Введенский, 1917]), психологию, основанную на опыте (Геффдинг [Геффдинг, 1896]) [Там же. С. 377–378]. «На деле, – обобщает далее Выготский, – нет ни одной эмпирической системы психологии, все переходят за грань эмпиризма... Все системы на деле переплескивали в своих выводах и уходили корнями в метафизику...» [Там же. С. 378–379]. Основную причину методологической «слабости» эмпиризма Выготский видит в отсутствии философского принципа, в отказе «выяснить свои конечные посылки, осознать собственную научную природу» [Там же. С. 378].

Рассуждения Выготского поднимают вопросы, им не затронутые: что заставило, казалось бы, эмпириков Ланге, Введенского и Геффдинга при обобщении результатов своих исследований обратиться к метафизике? Что они искали в метафизике? Логика обоснования и обобщения научного исследования подсказывает, что это могли быть поиск объяснительных философских принципов, выяснение своих конечных посылок и желание осознать собственную научную природу. Метафизика также имеет свои философские принципы. Но в данном случае мы сталкиваемся с разными способами понимания сути и назначения метафизики Выготским – с одной стороны и Ланге, Введенским, Геффдингом, Челпановым и др. – с другой. Выготский отрицает связь метафизики с эмпирией, а другая сторона не только признает эту связь, но к тому же видит в ней определенную логику. О Челпанове Выготский пишет: «Челпанов находит, что она (психология – Р.Н.) должна иметь «надстройку» и «подстройку». Оказывается, есть философские понятия, которые нужно рассмотреть *до изучения психологии*, и исследование, предваряющее психологию, он называет подстройкой: только с ней можно построить эмпирическую психологию» [Там же. С. 379]. Подстройка, предваряющая психологию, и есть метафизика, сторонником которой всегда и был Челпанов. А «философские понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии» (критика Выготского) для Челпанова означали невозможность объяснить психическое, используя понятия, относящиеся к области непосредственно данных психических явлений (в противном случае, согласно современным представлениям, психолог оказывается в пределах «продуктной» парадигмы), и использование для этой цели «понятий, философски обработанных» (Челпанов), то есть метафизических, лишенных собственно психологического содержания (аналог афизикальных взглядов А.И.Миракяна [Миракян, 1995]).

Обсуждая научные приоритеты Челпанова, Выготский ссылается на его работу 1924 года [Челпанов, 1924], в которой Челпанов пробует синтезировать противоречивые методологические позиции – марксизм и метафизику, что делало эту работу уязвимой для критики. Поэтому гораздо интереснее было узнать мнение Выготского о работе Челпанова 1907 года [Челпанов, 1907],

которая была результатом его программного выступления, посвященного анализу места философии и метафизики в психологии, когда Челпанов, независимый от норм и стереотипов какой-либо идеологии, полностью, без искажений, изложил свои философско-психологические взгляды. Но, к сожалению, Выготский этого не сделал.

В чем же состоит коренное отличие подходов (или образа мышления) Челпанова и Выготского к изучению психического? Принятие Челпановым метафизической парадигмы позволяет предположить, что он рассматривает психическое как порождающий процесс, а Выготский, сторонник историзма, – как развивающийся процесс. Поэтому Челпанов ищет причину порождения, а Выготский – причины развития. Поэтому у Челпанова философия (метафизика, природа) предшествует психологии, а для Выготского за психологией низшего уровня развития психического следует психология высшего уровня развития. Следовательно, Челпанов рассматривает онтологию психического как «бытие в возможности», а Выготский – как «бытие в действительности» (по Аристотелю). А если продолжить логику рассуждений Аристотеля, то следует дополнить, что «бытие в возможности» предшествует «бытию в действительности». Поэтому Челпанов видел возможность продолжения или перехода метафизики в эмпирию, а для Выготского они были разобщенными и независимыми друг от друга областями знания.

Из контекста рассматриваемого нами сравнения следует также, что душа в метафизике русских психологов на рубеже XIX–XX вв. рассматривалась не как что-то данное Богом (мы не рассматриваем религиозный аспект души), а как метафора или символ причины порождения психического. Поэтому вполне понятно сожаление С.Франка, который писал: «Прекрасное обозначение *«психология»* – учение о душе – было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что когда теперь размышляешь о природе души, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение» [Франк, 1917, с. 3]. Под «иной научной областью» С.Франк, безусловно, имел в виду современную ему и нам психологию.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Выготский придерживался продуктного подхода и считал ненаучным обращение к гипотетическим и эмпирически недоказуемым природным тенденциям и принципам возможностей порождения психического, чем и занимается метафизика, и, более того, отрицал возможность «перерастания» метафизики в науку.

Л.С.Выготский еще больше отдаляется от изучения психического как природного явления, отказавшись в разработке научной методологии психологии от диалектического материализма. «Диалектический материализм, – пишет Л.С.Выготский, – есть наука самая абстрактная. Непосредственное приложение диалектического материализма к биологическим наукам и психологии, как это сейчас делается, не идет дальше формально-логических, словесных подведений под общие, абстрактные, *универсальные* категории частных явлений, внутренний смысл и соотношение которых неизвестны. В *лучшем* случае это может привести к накоплению *примеров*, иллюстраций. Но не больше» [Выготский, 1982, с. 420–421]. Вывод Л.С.Выготского однозначен: брать из марксизма «не диалектический материализм, а исторический материализм» [Там же.]. То есть изначально перед новой научной психологией ставится задача изучать психику не как природное, а как историческое, общественное явление, в контексте человеческой истории, как продукт культурно-исторического развития. А это означает, что всегда будут изучаться развитие или изменение психических функций как определенных данностей, во всем многообразии их проявлений, при совершенном игнорировании скрытых за этими данностями, порождающих их процессов, не зависящих от культурно-исторических условий, – единственное, что может быть общим для всех психических функций и феноменов и многообразия их проявлений.

Таким образом, культурно-историческая концепция Л.С.Выготского, несмотря на ее огромное значение не только для российской, но и для мировой психологии, была и остается теорией, исследующей лишь психические феномены и отношения между ними в своем специфическом культурно-историческом аспекте. Следовательно, исследование естественно-природной

составляющей психического ограничивается не мыслительными возможностями психолога, а самой методологией концепции. Поэтому фундаментальная попытка А.Н.Леонтьева по исследованию эволюции психики [Леонтьев, 1959] есть одновременно попытка выхода за пределы культурно-исторической парадигмы. Точкой отсчета для А.Н.Леонтьева в этом исследовании является предпсихическое свойство раздражимости живых организмов. Однако и в этом случае возникают вопросы: какой процесс приводит к возникновению самой раздражимости? Какие процессы приводят к переходу от одной фиксируемой стадии развития психического к другой фиксируемой стадии развития? Что помешало А.Н.Леонтьеву идти дальше вглубь материи или исследовать то, что происходит в «зазоре» (наименьшем промежутке) между двумя фиксированными стадиями развития?

Анализ отношения Д.Н.Узнадзе [Узнадзе, 2004] к проблеме души как предполагаемого предмета научно-психологического исследования позволяет пролить свет на эти вопросы. Наиболее характерной чертой современной науки Узнадзе считает то, что «каждая наука изучает ту или иную сторону непосредственно данной действительности» [Узнадзе, 2004, с. 26]. Отсюда естественный вывод: чтобы признать душу предметом научного исследования, ее действительность должна быть дана непосредственно. Другими словами, так как душа не может быть подвергнута эмпирическому исследованию, то она не может быть предметом научного исследования. Очевидно, что психолог непосредственно может иметь дело лишь с проявлениями души, но не с самой душой. Поэтому вполне логично заключение Узнадзе: «Отсюда бесспорно, что душа может быть предметом исследования не подлинно научного, а лишь выходящего за пределы эмпирической действительности и стремящегося проникнуть в метафизическую сферу. Следовательно, рассмотрение души в качестве предмета психологии характерно для так называемой «метафизической», а не научной психологии» [Узнадзе, 2004, с. 27]. Таким образом, Узнадзе не только четко разделяет метафизическую и научную психологию, но и указывает на их несовместимость. Как видим, такой подход эксплицирует в качестве предмета научно-психологического исследования феноменологию психической реальности, а то, что порождает эти феномены (душа или еще что-то другое) – причины, непосредственно не данные в эмпирическом опыте психолога, – остается запретным «плодом» научно-психологического познания.

Из сказанного можно сделать вывод, что исследовательские возможности А.Н.Леонтьева ограничивала не методология, как в случае с Л.С.Выготским, а *определение* науки как средства познания того, что непосредственно дано в действительности. А если это условие нарушается, объект исследования оказывается «невидимым» для исследователя, тогда проблема становится ненаучной, потому что ее решение потребует создания гипотетических определений предмета и объекта исследования. Но от этого «невидимый объект» или соответствующая проблема не перестают существовать. Однако, если метафизику включить в науку как ее необходимую часть, что и сделала современная философия науки, то границы научного психологического познания немного расширятся и психолог будет иметь *право* исследовать и то, что находится «за занавесью» психических феноменов или предпсихических свойств живых организмов. Но в этом случае фактором ограничения может оказаться глубоко эмпирическое мышление человека, именуемое в современной психологии «продуктным» подходом, не приспособленное для исследования того, что находится за пределами непосредственных данностей чувственного эмпирического опыта. Все эти ограничения (идеологическая, методологическая, научная эмпиричность мышления) способствовали утрате культуры метафизического образа мышления и, тем самым, ослаблению философской составляющей психологии.

Одна из попыток вновь обратиться к метафизике, чтобы вывести психологию из кризиса, была предпринята В.П.Зинченко (заметим, однако, что даже в этом случае им не было произнесено слово «метафизика»!). В своем выступлении на круглом столе, организованном журналом «Вопросы философии» в 1993 году, В.П.Зинченко, характеризуя состояние психологической науки, оценил его не как кризисное (как это принято говорить), а как катастрофическое [Зинченко, 1993]. Согласно В.П.Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспосабливаясь к жестким ограничениям марксистской

идеологии. Выход из тупика В.П.Зинченко видит в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX века, для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание» [Там же.].

Чтобы пояснить свою мысль, В.П.Зинченко приводит пример того, как идеи В.С.Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте оказали влияние на П.А.Флоренского, В.И.Вернадского, Д.Н.Узнадзе, А.Н.Северцева и А.Г.Гуревича (о духосфере, ноосфере, биосфере, психике как факторе эволюции, биологическом поле – соответственно). Кроме того, В.П.Зинченко указывает на влияние идей П.А.Флоренского об органопроекциях на представления А.А.Ухтомского, Н.А.Бернштейна и А.Н.Леонтьева о функциональных органах индивидуальности. Эти примеры научной преемственности и взаимовлияний В.П.Зинченко и характеризует как гармоничность многоголосного звучания и отмечает это как особенность феномена культуры, научно-философского сознания ученых той эпохи. Однако для нас важно добавить к сказанному В.П.Зинченко то, что эти идеи В.С.Соловьева и П.А.Флоренского о всеединстве человеческого знания, Абсолюте и органопроекциях – метафизические идеи, которые в современной психологии оцениваются как сомнительные, не научные, однобокие, одним словом, не достойные внимания.

Но, как оказалось, именно метафизические идеи оказали большое влияние на формирование некоторых сторон научного мышления авторитетов российской науки и, в частности, психологии того времени. Эта поразительная разница в образе мышления ученых начала XX века и настоящего времени объясняется просто: в настоящее время в психологии, по известным причинам, указанным В.П.Зинченко, *полностью* утрачена традиция, точнее, культура метафизического мышления. Это привело к тому, что, несмотря на большое количество методологических и теоретических работ, тем не менее психология считается естественной наукой лишь потому, что в ней все начинается с экспериментально выявленного факта и заканчивается экспериментально доказуемым фактом (вслед за которыми следуют методологические и теоретические обобщения). То есть ядром научно-психологического исследования становится позитивистский «принцип» – «от эксперимента – до эксперимента», и выходить за эти рамки в область возможных, но эмпирически недоказуемых гипотез не положено.

Другая попытка изменения методологической «ситуации» относительно отношения психологии к метафизике была предпринята известными методологами российской психологической науки А.В.Петровским и М.Г.Ярошевским в книге «Основы теоретической психологии» [Петровский, Ярошевский, 1998]. Согласно этим авторам, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены им соответствующие онтологические модели. «На этом пути, – пишут Петровский и Ярошевский, – открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)» [Там же. С. 31]. То есть Петровский и Ярошевский считают необходимым для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии обращение к метафизическому способу теоретизирования. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем этот плоский подход к пониманию метафизики (проникший в марксизм через философию Гегеля – Р.Н.), игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева» [Там же.]. Таким образом, после почти векового игнорирования вновь при решении фундаментальных проблем психологии зазвучал призыв обращения к культуре метафизического образа мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли. Вопрос лишь в том, готово ли современное сообщество психологов поддержать этот призыв?

Необходимость обращения к метафизическим воззрениям В.С.Соловьева, согласно авторам цитируемой работы, обусловлена их важнейшим значением «для осмысления объяснительного

принципа построения категориального строя в теоретической психологии» [Там же.]. А.В.Петровский и М.Г.Ярошевский, безусловно, правы, указывая на то, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания при помощи метафизического способа рассуждений (как было показано выше, так же рассуждал и Г.Челпанов), однако, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые также являются предметом исследований теоретической психологии. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии, и, во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям В.С.Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке Запада и Востока.

Самая важная для нашего исследования мысль А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии как научной дисциплине и, более того, она необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологии.

В качестве примера необходимости обращения к метафизике можно привести также замечание И.В.Имедадзе [Имедадзе, 2013], сделанное им по поводу возможностей интерпретации биосферной концепции Д.Н.Узнадзе. Рассуждая о путях преодоления постулата непосредственности Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым и Д.Н.Узнадзе, И.В.Имедадзе приходит к выводу, что ни знак, ни деятельность не могут служить в качестве опосредствующего звена в дихотомии «среда-психика», так как знак можно включить в первый член этого соотношения, а деятельность – во второй. «Наиболее логичным решением – пишет далее И.В.Имедадзе, – представляется биосферная концепция. Вместе с тем, имея в виду ее некоторую метафизичность, последняя, по-видимому, нуждается в большей обоснованности. Тут можно обратиться и к новым квантовым, и к старым восточным представлениям» [Там же. С. 271]. Интересно отметить, что одновременно с констатацией факта существования в психологии метафизического «объекта» исследования И.В.Имедадзе не исключает возможности использования представлений о квантовых явлениях для объяснения метафизического характера биосферы в понимании Д.Н.Узнадзе (можно предположить, что И.В.Имедадзе имеет в виду философию квантовой физики, с неклассических позиций создающую новые представления об устройстве мира).

Однако, в связи с вышесказанным, следует отметить три факта, вызывающих чувство сожаления. Во-первых, ни В.П.Зинченко, ни А.В.Петровский и М.Г.Ярошевский не взялись за разработку метафизического подхода в психологии, которая, как региональная наука, должна обладать региональной (специфической) метафизикой. Во-вторых, ими остались незамеченными исследования А.И.Миракяна [Миракян, 1995] и В.М.Аллахвердова [Аллахвердов, 2003], применивших метафизический подход для экспликации онтологического статуса непосредственно-чувственного отражения и сознания соответственно. И, в-третьих, ни после выступления В.П.Зинченко, ни после выхода в свет обсуждаемой книги А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского отношение психологов к метафизике не изменилось, осталось отрицательным, и эта тема, разработка которой во многом могла бы способствовать построению общепсихологической теории, осталась не исследованной. Исключение составляют лишь исследования А.И.Миракяна, последовательно, но имплицитно применившего метафизический подход для решения проблем непосредственно-чувственного отражения, а также работы его последователей, продолжающих разрабатывать этот подход (С.Л.Артеменков [Артеменков, 2010], В.И.Козлов [Козлов, 2010], Н.Л.Морина [Морина, 2010], Р.М.Нагдян [Нагдян, 2009], В.И.Панов [Панов, 1993; Панов, 2004], Г.В.Шукова [Шукова, 2013] и др.).

Таким образом, анализ современного состояния отношения психологии к метафизике показал, что, несмотря на позитивное отношение к ней некоторых ведущих методологов, в целом это отношение

остается отрицательным. Об этом свидетельствует хотя бы недавно изданная книга Т.В.Корниловой и С.Д.Смирнова «Методологические основы психологии» [Корнилова, Смирнов, 2011]. В этой работе, насыщенной анализом многих философских концепций, о метафизике упоминается лишь в связи с обзором методологических нововведений Л.С.Выготского, который иначе (ограниченно) воспринимал метафизику и отрицательно относился к ней. Несмотря на то, что Т.В.Корнилова и С.Д.Смирнов неоднократно обращались к тексту цитируемой книги А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского, в том аспекте, который ими был предложен, метафизика не обсуждалась и оказалась вне поля внимания авторов «Методологических основ психологии». С другой стороны, данные философии науки и философский анализ самими естествоиспытателями (особенно физиками и математиками) корней возникновения своих наук указывают на необходимость наличия метафизических предпосылок для построения основ здания науки. Это означает, что актуальность проблемы отношения психологии к метафизике давно созрела (исходя из специфики своего предмета, психологи должны были решить эту проблему раньше, чем это сделали физики) и требует *поиска путей* для своего положительного решения, и при этом выбор способа анализа и образа мышления являются главными факторами достижения успеха в этом направлении развития теоретической психологии.

Однако, несмотря на тотальную, само собой разумеющуюся правильную, антиметафизичность психологов (за исключением вышеназванных), как выше уже было отмечено, А.И.Миракяном и В.М.Аллахвердовым были проведены теоретические исследования фундаментальных проблем психологии с использованием метафизического подхода, оставшиеся вне поля научно-психологической рефлексии. Анализ и обсуждение этих исследований проведены нами в более ранних публикациях [Нагдян, 2013а; Нагдян, 2013б].

Таким образом, в статье сделана попытка показать необходимость метафизического подхода для выявления природных предпосылок, порождающих психическое и формулирования базовых понятий, дополняющих категориальный строй теоретической психологии.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что этим не умаляется значение эксперимента в определении научного статуса психологии. Более того, именно экспериментом проверяется истинность (в философском смысле) и эффективность (в практическом смысле) выбранных метафизических предпосылок. Меняются лишь акценты: метафизика направляет и координирует экспериментальные исследования психических явлений, чем и создается возможность принятия или опровержения выбранных метафизических предположений. Этим мы еще раз хотим подчеркнуть связь между метафизикой и эмпирией, которая была столь естественна для психологов-метафизиков Серебряного века России.

Литература

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Лабиринт, 2003.

Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления. В кн.: Н.Л. Морунова, В.И. Панов, Г.В. Шукова (Ред.), А.И.Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции, Москва, 2010. М.: ПИРАО, 2010. С. 324–358.

Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке. В кн.: Структура и развитие науки (Бостонские исследования по философии науки). М.: Прогресс, 1978. С. 43–110.

Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Петроград: Типография М.М.Стасюлевича, 1917.

Водолагин А.В. Психопатология и метафизика воли. К 125-летию Карла Ясперса. Вопросы

философии, 2008, No. 5, 140–148.

Вундт В. Метафизика. В кн.: Философия в системном изложении. М.: Территория будущего, 2006. С. 117–150.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.

Герbart И.Ф. Психология. М.: Территория будущего, 2007.

Гегфдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1896.

Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.

Зинченко В.П. Кризис или катастрофа? Вопросы философии, 1993, No. 5, 3–43.

Имедадзе И.В. Постулат непосредственности и пути его преодоления. В кн.: Современные проблемы теоретической и прикладной психологии. Материалы международной научной конференции, Ереван, 2012. Ереван: Ереванский гос. унив., 2013. С. 274–276.

Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени. В кн.: Н.Л. Морина, В.И. Панов, Г.В. Шукова (Ред.), А.И.Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции, Москва, 2010. М.: ПИРАО, 2010. С. 90–149.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: АПН РСФСР, 1959.

Ланге Н.Н. Психология. М.: Товарищество «Мир», 1914.

Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия. Философские исследования, 1995, No. 2, 77–94.

Морина Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании. В кн.: Н.Л. Морина, В.И. Панов, Г.В. Шукова (Ред.), А.И.Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции, Москва, 2010. М.: ПИРАО, 2010. С. 150–217.

Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии. Ереван: Айастан, 2009.

Нагдян Р.М. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия. Вестник Ереванского гос. унив. Ереван: Ереванский гос. унив., 2013а. С. 54–68.

Нагдян Р.М. Метафизический подход В.М.Аллахвердова к проблеме сознания: его развитие и сравнительный анализ. Вестник Ереванского гос. унив. Ереван: Ереванский гос. унив., 2013b (в печати).

Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов. М.: ПИРАО, 1993.

Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии, М.: ИНФРА-М, 1998.

Соловьев В.С. Кризис западной философии. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

Узнадзе Д.Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004.

Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ, 2009.

Франк С. Душа человека. М.: Типография Ю.Венер, 1917.

Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии. Вопросы философии и психологии, 1907, Кн. 89 (IV), 309–323.

Челпанов Г.И. Психология и марксизм. М.: Рус. книжник, 1924.

Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности. Гуманитарный вектор. Серия Психология и Педагогика, 2013, 1(33), 124–131.

Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.

Agassi J. The Nature of Scientific Problems their Roles in Metaphysics. In: The Critical Approach: Essays in Honor of Karl Popper. New York: Free Press, 1964. pp. 189–211.

Поступила в редакцию 5 сентября 2013 г. Дата публикации: 15 апреля 2014 г.

[Сведения об авторе](#)

Нагдян Рубен Михайлович. Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии магистратуры, Международный научно-образовательный Центр Национальной академии наук Армении, ул. Маршала Баграмяна, 24д, 0019 Ереван, Республика Армения.
E-mail: nagmari@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Нагдян Р.М. Об отношении психологии к метафизике. Психологические исследования, 2014, 7(34), 8. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Нагдян Р.М. Об отношении психологии к метафизике // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/115-v7n34/960-naghdyan34.html>

[К началу страницы >>](#)